

Н. И. ЕФИМОВА*Академия хорового искусства имени В. С. Попова*

**ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ
В САКРАЛЬНЫХ МОНОДИЙНЫХ ПРАКТИКАХ
(ОПЦИЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ МОНОДИИ)**

Статья привлекает внимание к изучению систем смыслообразования в сакральной монодии. Проблема их изучения вписана в сетку решения задач общей теории монодии, автором которой является С. П. Галицкая. Для музыковедения, стремящегося рационально постичь законы монодийного мышления, проблема изучения сакральной монодии состоит в том, чтобы в парадигмах эволюционирующей реальности религиозного опыта научиться распознавать сущностные постулаты и генетические коды звучащего пространства. Полученное обобщенное знание о сакральной монодийной практике станет частью общей теории монодии. Существенным ориентиром в этом поиске служит понимание, что сакральная монодия начала свой исторический путь задолго до ее осмысления в опциях музыкальной системы. Это значит, что смыслообразование – как процесс научного освоения основ сакральных практик, их способов мировосприятия, интонационно-содержательного плюрализма обретает конкретность содержания. Она

сконцентрирована на постижении внутренних регулирующих функций сакральных систем. Совокупными измерителями их «ценностно-смыслового контекста» в статье названы пневмалогичность и формульность, которые лежат в основе онтологических конструкций, представляющих практическое знание. Они же выполняют регулирующие функции и функции охраняющие, обособливающие сакральную монодию от музыки как вида искусства. Если музыковедение будет обладать чувством перспективы и историчностью мышления, оно способно будет выявить смыслообразующие конструкты, обеспечивающие логическую, функциональную и элементную связь целостного организма, каким является сакральная монодия.

Ключевые слова: сакральная монодия, общая теория монодии, системы смыслообразования, ценностно-смысловой контекст, регулирующие функции, пневмалогическая функция, формульность.

Для цитирования: Ефимова Н. И. Проблема изучения систем смыслообразования в сакральных монодийных практиках (опция общей теории монодии) // Южно-Российский музыкальный альманах. 2020. № 2. С. 88–94.

DOI: <https://doi.org/10.24411/2076-4766-2020-12011>

N. EFIMOVA*Victor Popov Academy of Choral Art*

**THE PROBLEM OF STUDYING MEANING-MAKING SYSTEMS
IN SACRED MONODIC SINGING PRACTICE
(SOME OPTIONS OF THE GENERAL THEORY OF MONODY)**

The article draws attention to the studies of meaning-making systems in sacred monody. The problem is rated highly among the objectives of the general theory of monody created by S. P. Galitskaya. For musicological studies, seeking to comprehend the rules of monodic thinking, the goal of studying sacred monody is to identify the

essential premises and genetic codes of sounding space in paradigms of emerging religious experience. Thus, the obtained general knowledge of sacred monodic singing practice will become a part of the general theory of monody. The understanding of the fact that sacred monody emerged in history long before its conceptualization in terms

of music system serves as the main guideline of this search. This implies that meaning-making as the process of academic exploration of the background of sacred practices, their ways of world perception, diversity of intonation meanings, is becoming more focused. It is concentrated on comprehension of the inner regulating functions of sacred systems. According to the article, its value and semantic context should be assessed with the complex criteria including its pneumatological condition and formulaicity. These two parameters act as the basement of ontology con-

For citation: Efimova N. The problem of studying meaning-making systems in sacred monodic singing practice (some options of the general theory of monody) // South-Russian musical anthology. 2020. No 2. Pp.88–94.

DOI: <https://doi.org/10.24411/2076-4766-2020-12011>

structions, introducing practical knowledge. They also regulate sacred monody and protect it from music as an art form. If musicology possesses a sense of perspective and bears in mind historical burdens, it can reveal certain meaning-making constructs, providing logical, functional, and elemental connections within the entire body of sacred monody.

Key words: sacred monody, the general theory of monody, meaning-making systems, sense bearing context, regulating functions, pneumatological function, formulaicity.

Сакральная монодия – феномен, представляющий одну из ветвей многовековой многоликой монодийной культуры, которая в многослойной реальности этноцентричных омузыкаленных практик, разделенных разной субъектностью (монодия христианской, исламской, буддистской культур), укоренена в едином мире религиозного опыта. Его природа космологична и связана с реальностью Богопознания, Богообщения, либо с реальностью неконфликтной гармонизации отношений со всеми компонентами Универсума (в проекциях буддизма, шаманизма).

При всей самобытности и своеобразии субъектных проекций, в них наличествует объединяющее начало – постоянно восходящий вектор духовного возрастания, который вмещает мыслительные потоки, находящиеся как внутри, так и вне, по ту сторону реальности данных вещей. Исходными категориями в одних случаях выступают божественные установки, в других контакт и взаимопонимание человека с духовными уровнями Универсума. Для музыкознания, стремящегося рационально постичь законы монодийного мышления, проблема изучения сакральной монодии состоит в том, чтобы в парадигмах эволюционирующей реальности религиозного опыта научиться распознавать ее сущностные постулаты, ее генетические коды. На этом пути «подключение» систем смыслообразования, описывающих смысловые связи внутри отношений «человек – космос», является ключевым. Оно определяет модель мыслительной деятельности. От

понимания насколько эта модель погружена в ментальные глубины сакральной практики, насколько она нацелена на умпостижение и рационализацию сакрального опыта, зависит степень познания сущности самого феномена сакральной монодии. Без подобного осознания музыковедческая наука рискует оказаться в плену умозрительных схем и структур, которые могут быть бесконечно далеки от него.

Размышление в предложенном ключе вполне аксиоматично и укладывается в формулировку – для того, чтобы феноменологически постичь пространство сакральной монодии в совокупном измерении разнотемных практик и описать его через системы смыслообразования, нужна специальная научно-теоретическая платформа, способная вместить и осмыслить сакральный тип музыкального мышления, и точно, в адекватных ему схемах, интерпретировать его. Именно такой подход приблизит науку к онтологически точному обобщенному осмыслению феномена сакральной монодии.

В инициированном С. П. Галицкой [1, с. 7] направлении, связанном с разработкой общей теории монодии, сакральную монодию выделяет музыкально-исторический статус. Он определен рядом фундаментальных показателей:

- это феномен общецивилизационного значения, ибо с разной степенью подробности он самоописан в религиозных трактатах, представляющих ветвь профессиональной практики;

- в недрах этого феномена одна из субъектных практик (григорианский хорал) стала колыбелью академической музыки;

- этот феномен в своем субъектном проявлении (христианская монодия) породил рациональность, связанную с моделирующими конструкциями распетого слова. Эта рациональность стала основой композиционных законов музыки как вида искусства.

Нет необходимости пояснять, что наличие связующих нитей с искусством музыки может также стать потенциальным источником смыслообразования, вместилищем факты субъектных локальных практик и факты их самоосмысления в совокупную картину монодийной реальности, фиксирующую иерархию разных уровней.

В свете решения задач, поставленных С. П. Галицкой для развития общей теории монодии, среди которых названы: «выявление специфики монодии, установление видовых отличий монодийного типа музыкальной организации, <...> поиск основополагающего звена, которое служит своеобразным ключом ко всей системе» [1, с. 37], определение смыслообразующих структур сакральной монодии, представляется особенно важным. Здесь категория «основополагающего звена» приобретает парадигмальную характеристику, мыслительный стандарт которой изначально задан двуединством ментального и звуковысотного уровней. Все последующие трансформации этого стандарта, сохраняющие неонаученную самопорождающую вовлеченность в процесс становления монодийного пространства из мира архетипов или онаученную отстраненность от этого мира, лишь фиксируют внутреннюю жизнь феномена. И эта жизнь во всей полноте должна быть системно представлена в общей теории монодии.

Сегодня ясно, что грядущее системное изучение феномена сакральной монодии потребует последовательного и целерационального его описания, не прибегающего к стереотипам, подчас характеризующим другой опыт, другие практики¹ (например фольклорную ветвь).

¹ Напомним, среди четырех типов «музыки», Т. В. Чередниченко выделила как самостоятельные сакральную практику [курсив наш. – Н. Е.], назвав ее «искусством канонической импровизации (литургический распев, традиционные неевропейские инструментальные и вокально-инструментальные импровизационные циклы, например, узбекский маком)» и «музыку фольклорного типа (архаичный фольклор; крестьянские песенно-инструментальные традиции; современный городской фольклор; вырожденный фольклор – адаптации на

Существенным ориентиром в этом поиске служит понимание, что сакральная монодия начала свой исторический путь задолго до ее осмысления в опциях музыкальной системы.

Каковы процедуры, порождающие целерациональные действия – это один из тех вопросов, который должна задать себе музыкально-теоретическая наука. Пока же, поиск системных основ смыслообразования можно вести в зонах конкретного бытования сакральных монодийных практик (синхронически) и эволюционных движений (диахронически). Пространственно-временной и процессуальный аспекты континуальной жизни совокупной сакральной практики здесь также важны, ибо они будут свидетельствовать о мутационных изменениях, возникающих, например, при переходе от устной практики к письменной, и связанных с ними возможных перерождениях внутри того или иного субъектного опыта. Диапазон здесь велик: от живой вовлеченности носителей практики в процесс становления и пребывания в мире архетипов, к абстрактной отстраненности от этой практики, застывшей в нотографически запечатленных образах «мгновений».

Замечу, фиксация разнокачественности состояний субъектных практик, самоописанная в учениях и трактатах, не должна мотивировать к оценочным суждениям о развитости или недоразвитости того или иного специального знания. Она скорее должна стать свидетельством последовательного целерационального действия в осмыслении механизмов, организующих эти практики и объясняющих наличие музыкальной составляющей в них.

Отдавая отчет, что обозначенный путь предварителен и в процессе реализации вполне может дополняться новыми уникальными фактами бытия сакральной монодии, в своих основных параметрах он не только привлекает внимание к общим задачам формирования обобщенного музыкально-теоретического знания, но и создает модель постановки проблемы с указанием возможных путей решения. Думается, нацеленный на интегральный результат, этот путь сможет обеспечить полноту, системность и адекватность постижения накопленного практического знания при условии соотнесения его и всех последующих изучений сакральных практик с задачами общей теории монодии. В ней каждая отдельная форма реализации, дополняющая или обосновывающая другие совершенно необходима.

профессиональный лад народных образцов)» [2, с. 109–110].

Согласившись с тем, что время изолированных субъектных изысканий проходит, как проходит время аналитического размежевания, в сегодняшнем настоящем общая теория монодии призвана с помощью систематизации научных описаний и самоописаний создать качественно новое теоретическое знание, моделирующее системные обобщения и рассматривающее процессы смыслообразования в их универсальном выражении. В отношении сакральной монодии это выражение вполне может корреспондировать с мыслью Ю. Н. Холопова, где «духовная субстанция», относящаяся к жизни духа (*нем.* *das Geistige*), выступает первичной «по отношению к звуковому материалу, в котором она лишь проявляется, живет и объективируется, но не вызывается им» [3, с. 66].

В данной сетке координат смыслообразование – как процесс научного освоения основ разносубъектных сакральных практик, их способов мировосприятия, интонационно-содержательного плюрализма обретает конкретность содержания. Она сконцентрирована на понимании внутренних регулирующих функций сакральных систем. Главной из таких функций, на мой взгляд, может быть признана пневмалогическая (от греч. *πνεῦμα* – дыхание). Именно она в ментальных рамках религиозных практик изначально задает монодийной системе «ценностно-смысловой контекст» (термин М. М. Бахтина) [4, с. 121], который реализуется и в вертикали непознаваемости идеальной субстанции, и в горизонтали становления звучащего материала.

Известно, что среди прочих значений греческого *πνεῦμα* встречаются “дух, жизнь” и даже вариант новозаветного употребления в значении “Дух Святой”². Извлечения из учений разных субъектных практик описывают присутствие духовной субстанции так: «Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух» (Ин. 3:6), «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Ин. 3:8) [От Иоанна Святое Благовествование]; «Передаёт Абу Басир: «Я спросил Имама Садика, да будет мир с ним, о словах Всеблагого и Всевышнего Аллаха “Они спрашивают тебя о Духе. Скажи: “Дух от повеления моего Господа”». Он сказал: “Дух – это творение, величественнее Джабраиля и Микаила. Он был с Посланником Аллаха, да благословит

Аллах его и его род, и он с имамами. И он из царства Аллаха”» [Аль Кафи. Хадис 266]³.

Уже исходя из приведенных установок становится понятным, что обращение к пневмалогическому контексту в сакральной монодии является основным. Оно свидетельствует о присутствия духовной субстанции и проявлении ее духовных действий. Концептуально оно сопряжено с такими понятиями сакральной культуры как вечность, вневременность, цикличность, неизменность, изменчивость. По всей видимости, именно они должны быть адекватно интерпретированы в познавательной практике ученого-музыковеда, ответственного за смысл создаваемого знания о сакральной монодии.

Ориентироваться в логике смыслообразования, по М. М. Бахтину, можно в познавательных и практико-технических категориях (таких как практическая целесообразность) и этим будет обусловлена упорядочить категориального состава, его ценность, его значение [4, с. 121]. Используя эту логику, оказывается, что в сфере позитивного интереса музыкально-теоретического обобщения попадает прагматический компонент, который фиксирует зоны практического знания, познавательной активности и систематизирующей деятельности познающего разума, направленной на построение научного знания. На уровне звуковысотности, в зоне практического знания оказывается бесконечное многообразие вербальных описаний субъектных практик, тогда как в зоне познавательной активности можно видеть постулаты и стандарты, связанные с конструированием звучащего мелоса, его нотографической фиксации, возможностью редактирования. Привычная категориальная шкала звуковысотного аспекта, состоящая из набора конструктивных элементов (знаков просодии, интонационных формул, строя, звукорядов, ладов, интервалов, темпов, долгот в произнесении слогов текста, характеров молитвенного состояния), осмысленная как инструментарий в познавательных конструкциях, не столько решает, сколько ставит вопрос о полноте такого осмысления, моделирующего лишь отдельную черту опыта. Возможность осознать его изнутри, исходя из условий интонационного становления, а не через абстрактный характер монолинейных схем, во многом внешних по отношению к этому опыту, остается приоритетной. А значит, в онтологической модели познания сакральной монодии важность приобретает формуль-

² Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 г. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. Кол. 1015.

³ Книга Довода. Глава 74 о Духе, посредством которого Аллах помогает имамам.

ность, связанная с миром архетипов и причастная ему. Обусловленная пневмалогическим контекстом, формульность может рассматриваться в качестве первоначального обобщенного регулятора звуковысотных отношений. Вопреки тому, что в парадигме архаичных сакральных практик исходной была установка на непостижимость процесса становления музыкального мелоса, а механизмы его понимания сводились к толкованиям, где участие Духа непостижимо, как непостижим ниспосланный дар распетого текста или инструментальной импровизации, в реальности сакральных субъектных практик наличествовал сформулированный сакральным опытом интонационный словарь. Он хранил естественный генофонд и, утверждая в процессуальном отношении звучащих форм обратную перспективу, воспроизводил их по тождественным формулам. Он же реализовывал музыкально-логическое начало. Смыслосодержанием такого становления было пребывание в традиции, где повторяемая вариабельность и изменчивость формул, их вариантная подобность, комбинаторика, отсутствие однонаправленности движения хранили тайну вневременной сакральной открытости одновременно находящейся и «позади» и «впереди». Приобщение к этому внефеноменальному континууму составляло смысл архаичной монодии.

С течением времени в парадигме онаученного опыта естественный генофонд оскудевал, лишаясь вариабельности, а вневременная разнонаправленность становления выпрямляла направление движения в сторону конечных форм. В сложной сети пересекающихся и накладывающихся друг на друга сходств и различий всеобщего опыта, для общей теории монодии все детали его становления и перерождения особенно ценны. Они фиксируют состояние монодийной реальности и отвечают на вопрос: Имеет ли конкретная практика описанные нормы членораздельного структурирования монодийного пространства, либо изучаемая практика пребывает в реальности синкретичной? Без ответа на него полученное знание будет лишено полноты понимания.

Современное музыкознание в осмыслении «плоти» сакральных монодийных практик рассматривает формулу как необходимое звуковысотное условие формирования сакрального мелоса. Сегодня формульность – это «стандарт организованности богослужебного певческого континуума» [5, с. 164], тогда как формула – это «универсальное понятие, которое обозначает любой структурно обособленный и повторяемый мелодический фрагмент роспева»

[6, с. 3]. Формулы обнаруживают при классификации коранических музыкальных риторических фигур [7, с. 17], формулы как основные элементы певческих практик христианской культуры фиксируют в мелодико-речевых интонациях чтения Священного Писания [8], интонационные конструкции макама или западных мнемонических моделей тоже заключены в формулы.

В своей работе «Изменяющееся и неизменное в эволюции музыкального мышления» [3, с. 71] Ю. Н. Холопов обратил внимание на диалектику процесса становления «самодвижущихся» и «саморазвивающихся» форм, где «единое выступает в качестве первичного порождающего всеобщего закона», где «всеобщий закон и его компоненты – отдельные законы – проступают через противоречивый хаос бесконечного становления форм, придавая процессу развития облик детерминированности (организованного движения вперед и вверх) а самим формам, как и общей их ценностной иерархии, – кристальную и математически точную структурность». Данное наблюдение ученого вполне применимо к монодийным сакральным практикам, в которых формульность как становление логических структур, в той или иной мере, исторически подтверждает этот процесс. И то, что, на первый взгляд кажется хаотичным, имеет свои глубинные и безусловные смыслы.

При обсуждении формульности в качестве стандарта организации сакральной монодии важно выявить место и функцию формул в системах разносубъектных практик. Тогда известная музыкознанию по западно-европейской монодии формульность пневмалогическая и формульность конструктивная обретут конкретную жизнь, раскрывая механизмы согласования целого. Наделен ли тот или иной тип формульности регулятивными функциями или охранными, обособливающими сакральную монодию от музыки как вида искусства? Имеет ли он прямую связь с ладовой системой, обращенной к чисто физический, звуковой стороне музыки? – вот те вопросы, ответы на которые откроют методологическую перспективу оперативных возможностей примененного аналитического аппарата и инструментария.

Горизонт для новейшего осмысления разновременных уровней состояния монодийного сознания, распознавания систем смыслообразования и их конструктивных элементов внутри формирующейся сегодня общей теории монодии велик. В нем отдельные опыты рационального освоения сакрального репер-

туара с разными слоями описания звучащей реальности, зафиксированные в руководствах прошлых эпох понимаются важными свидетельствами развития монодийного мышления. Важно понимать, что в своей истории эта реальность постепенно дрейфовала, как в случае с христианской монодией, от омузыкаленного слова в сторону описания композиционных структур отделившегося от слова мелоса.

В 901 году ученый-монах Регино Прюмский в трактате *Epistola de harmonica institutione*, совместив науку и эмпирию, вывел формулу умопостигаемости идеальной субстанции ангелогласного пения. В этой формуле два уровня существований музыки - музыка естественная (*naturalis*) [нерукотворная – Н. Е.] и музыка искусственная (*artificialis*) [рукотворная – Н. Е.] оказались коммуникативно связаны. Регино писал: «Любому человеку, желающему иметь познания в области искусства, должно быть известно, что хотя естественная музыка намного превосходит искусственную, никто не может узнать силу естественной музыки, не изучив искусственной. Вот почему, независимо от того, что наше ученое обсуждение начинается с естественной музыки, мы должны закончить его искусственной, с тем, чтобы факты

невидимые могли быть доказаны фактами видимыми» [9, 236 б]. Результатом преодоления непознаваемости идеальной субстанции стала не только активизация познающего разума с его попыткой контролировать звуковысотное пространство хорала, но и утрата галликанской практики, утрата опыта воспроизведения по формулам, утрата идеи вариативности. Но главный результат состоял в том, что иллюзорное приближение к осмыслению природы «живой традиции» увело от нее.

Проблема поиска «основополагающего звена» по С. П. Галицкой, которое «служит своеобразным ключом ко всей системе» монодии, будет рассмотренная сквозь призму обобщения знаний о сакральной монодии поставлена. Но реальные факты, относящиеся к делу, гораздо сложнее и вряд ли могут быть суммированы в простой форме «основополагающего звена». Однако если музыковедение будет обладать чувством перспективы и историчностью мышления, оно способно выявить смыслообразующие структуры, обеспечивающие логическую, функциональную и элементную связь целостного организма, каким является сакральная монодия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галицкая С., Плахова А. Монодия: проблемы теории. М.: Academia 2013. 320 с.
2. Чередниченко Т. Музыка в истории культуры. Т. 1 Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1994. 215 с.
3. Холопов Ю. Изменяющееся и неизменное в эволюции музыкального мышления // Проблемы традиции и новаторства в современной музыке. М.: Советский композитор, 1982. С. 52–104.
4. Бахтин М. Автор и герой: К философскому основанию гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
5. Ефимова Н. Формульная модальность. Проблема регламентации псалмодиической практики в Каролингскую эпоху // Музыкальная культура христианского мира: материалы Международ. науч. конф. Ростов н/Д.: РГК им. С. В. Рахманинова, 2001. С. 164–169.

6. Семененок И. К проблеме формулы в знаменном распеве // Музыка и время. 2017. № 5. С. 3–9.
7. Имамудинова З. О феномене мелодизированного чтения Корана (к проблеме музыкальной риторики сакрального текста) // Проблемы музыкальной науки. 2010. № 1. С. 17–20.
8. Коляда Е. Трансмиссия традиций чтения Священного Писания: Восток – Запад – Россия (опыт компаративного анализа) // Устная и письменная трансмиссия церковно-певческой традиции Восток – Русь – Запад. Материалы Международ. науч. конф. (23–27 мая 2005 г.): сб. ст. / Отв. ред. И. Е. Лозовая. М.: НИЦ «Московская консерватория», 2008. Вып. 5. Гимнология. С. 14–25.
9. Gerbert M. *Scriptores ecclesiastici de musica sacra potissimum*, St. Blasien 1784 (ND Hildesheim 1963).

REFERENCES

1. Galitskaia S., Plakhova A. Monodiia: problemy teorii [Monody: problems of theory]. Moscow: Academia 2013. 320 p.
2. Cherednichenko T. Muzyka v istorii kul'tury [Music in the history of culture]. T. 1 Dolgoprudnyi: Allegro-Press, 1994. 215 p.
3. Kholopov Iu. Izmeniaiushcheesia i neizmennoe v evoliutsii muzykal'nogo myshleniia [Variable and constant in the evolution of musical thinking] // Problemy traditsii i novatorstva v sovremennoi muzyke [Problems of tradition and innovation in contemporary music]. Moscow: Sovetskii kompozitor, 1982. Pp. 52–104.
4. Bakhtin M. Avtor i geroi: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk [Author and hero: To the philosophical foundations of the humanities]. St. Peterburg: Azbuka, 2000. 336 p.
5. Efimova N. Formul'naia modal'nost'. Problema reglamentatsii psalmodiicheskoi praktiki v Karolingskuiu epokhu [Formal modality. The problem of regulation of psalmodic practice in the Carolingian era] // Muzykal'naia kul'tura khristianskogo mira [The musical culture of the Christian world]; materialy Mezhdunar. nauch. konf. Rostov-na-Donu: RGK im. S. V. Rakhmaninova, 2001. Pp. 164–169.
6. Semenok I. K probleme formuly v znamennom raspeve [To the problem of the formula in the znamenny chant] // Muzyka i vremia [Music and Time]. 2017. No 5. Pp. 3–9.
7. Imamutdinova Z. O fenomene melodizirovanogo chteniia Korana (k probleme muzykal'noi ritoriki sakral'nogo teksta) [On the phenomenon of melodic reading of the Koran (on the problem of musical rhetoric of the sacred text)] // Problemy muzykal'noi nauki [Problems of music science]. 2010. No 1. Pp. 17–20.
8. Koliada E. Transmissiia traditsii chteniia Sviashchennogo Pisaniia: Vostok – Zapad – Rossiia (opyt komparativnogo analiza) [Transmission of scripture reading traditions: East – West – Russia (comparative analysis)] // Ustnaia i pis'mennaia transmissiia tserkovno-pevcheskoi traditsii Vostok – Rus' – Zapad [Oral and written transmission of the church-singing tradition East – Russia – West]. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. (23–27 maia 2005 g.): sb. st. / Otv. red. I. E. Lozovaia. Moscow: NITs «Moskovskaia konservatoriia», 2008. Vyp. 5. Gimnologia. Pp. 14–25.
9. Gerbert M. Scriptorum ecclesiasticorum de musica sacra potissimum, St. Blasien 1784 (ND Hildesheim 1963).

Ефимова Наталья Ильинична

доктор искусствоведения, профессор,
проректор по научной работе

Академия хорового искусства имени В. С. Попова

Россия, 125565, Москва

prorektor_axu@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5289-4654

Natalia Il. Efimova

Dr. Sci. (Art), Professor,

Vice-rector for scientific work

Victor Popov Academy of Choral Art

Russia, 125565, Moscow

prorektor_axu@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5289-4654